

УИЛБУР
СМИТ

УИЛБУР
СМИТ

БОЖЕСТВО
ПУСТЫНИ



АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
С50

Серия «Бестселлеры Уилбура Смита»

Wilbur Smith
DESERT GOD

Перевод с английского А. Грузберга

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Tibor Jones Management Ltd и Nova Littera SIA.

Смит, Уилбур.

С50 Божество пустыни : роман / Уилбур Смит ; [пер. с англ. А. Грузберга]. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Бестселлеры Уилбура Смита).

ISBN 978-5-17-086603-8

Продолжение бестселлера «Божество реки»!
Древний Египет. Время смуты, разрушительных войн и придворных интриг. Фараон поручает верному Таите миссию на Крит, чтобы заключить важный союз с сильным соседом и получить шанс разбить своих врагов гиксосов.

Впереди его ждут новые опасности и новыеключения...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-086603-8

© Wilbur Smith, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

Я посвящаю этот роман своей драгоценной жене и верному товарищу Нисо. До встречи с тобой я не знал, что такое истинное счастье. А теперь ты наполняешь каждый день моей жизни любовью, смехом и счастьем.

Ты рядом со мной, и я не поменялся бы местом и с царями.

А

тон помигал глазками, утонувшими в глубоких складках жира, оторвал взгляд от лежащей между нами доски бао и посмотрел на двух юных царевен дома Тамоса, которые нагишом резвились в прозрачных водах лагуны.

— Они уже не дети, — заметил он вскользь без тени сладострастной заинтересованности. Мы сидели лицом к лицу на открытой террасе под крышей из пальмовых листьев возле одной из лагун великой реки Нил.

Я знал, что словами о девочках он хочет отвлечь мое внимание от следующего хода камнями бао. Атон не любит проигрывать и не слишком разборчив в средствах достижения победы.

Атон всегда занимал одну из самых верхних строк в моем перечне старых верных друзей. Как и я, он евнух и когда-то был рабом. Тогда-то — задолго до созревания — хозяин и выделил его за исключительный ум и сообразительность. Он хотел сохранить и развить эти качества, так, чтобы их не исказила и не испортила похоть. Поскольку Атон был очень ценной собственностью, хозяин, чтобы оскотить его, нанял самого известного в Египте врача. Хозяин давно мертв, а Атон высоко поднялся из рабов. Сейчас он управитель дворца фараона в Фивах, а еще ему подчиняется огромная сеть доносчиков, шпионов и соглядатаев, раскинутая по всему цивилизованному миру. Только одной службе уступает его паутина — моей. В этом, как и во многом другом, между нами существует дружеское соперничество, и мало что приносит нам большее наслаждение и удовлетворение, чем дающий преимущество удачный ход в этой игре.

Я наслаждаюсь его обществом. Он забавляет и часто удивляет меня своим добрым советом и неожиданной точкой зрения. Иногда он подвергает испытанию мое искусство за доской бао. И обычно очень щедр на похвалы. Но в основном служит оселком для моего ума.

Мы оба посмотрели на Бекату, младшую из царевен — она моложе сестры на два года, хотя догадаться об этом трудно, потому что для своих лет она высока, у нее уже сформировались

грудь, и соски задорно торчат в холодной воде лагуны. Она гибка, проворна и смешлива. С другой стороны, нрав у нее очень переменчив. Черты благородные, сильный круглый подбородок, красиво изогнутые губы. Густые волосы сверкают на солнце искрами. Все это она унаследовала от отца. И хотя для нее еще не распустился красный цветок женственности, я знал, что это время близко.

Я люблю ее, но, сказать по правде, ее старшую сестру люблю чуть больше.

Техути — старшая сестра, прекраснейшая из двух. Когда я смотрю на нее, мне кажется, что я снова вижу ее мать. Царица Лостра была единственной большой любовью моей жизни. Да, я любил ее, как мужчина любит женщину. Ибо в отличие от моего друга Атона был оскоплен в зрелом возрасте, уже познав радость, которую дарит женское тело. Правда, моя любовь к царице Лостре так и не получила развития, поскольку меня оскопили до ее рождения, но, не утоленная, эта страсть была тем более яростной. Я нянчил Лостру, когда она была ребенком, провел ее сквозь долгую полную радости жизнь, советовал ей и охранял ее, отдавал ей себя всецело. И держал ее за руки, когда она умирала.

Прежде чем уйти в подземное царство, Лостра прошептала мне слова, которые я никогда не забуду:

— В своей жизни я любила только двух мужчин. Ты, Таита, один из них.

Слаще слов я никогда не слышал.

Я спланировал ее царскую усыпальницу, я руководил строительством, я уложил в эту усыпальницу некогда прекрасное, а потом иссохшее тело Лостры и хотел вслед за ней уйти в подземное царство. Но я знал, что не могу этого сделать, потому что должен заботиться о ее детях, как заботился о ней. И, право, это время не было тяжким, ибо эти священные подопечные наполнили смыслом мою жизнь.

В шестнадцать лет Техути уже вполне сформировавшаяся женщина. Кожа у нее блестящая и безупречная. Руки и ноги стройные и изящные, как у танцовщицы, — или как части большого лука ее отца, который я вырезал для него и который положил на крышку его саркофага, когда запечатал его могилу.

Бедра у Техути пышные, но талия тонкая, как горлышко винного кувшина. Грудь круглые и полные. Шапка густых золотистых кудрей сверкает на солнце. Глаза зеленые, как у матери. Она

так прекрасна, что невозможно описать, и, когда улыбается мне, сердце мое разрывается. Характер у нее мягкий, ее трудно рассердить, но она бесстрашна, и воля у нее сильная.

Я люблю ее почти так же, как любил ее мать.

— Ты хорошо растил их, Таита, — самоотверженно похвалил меня Атон. — Они стали тем сокровищем, которое может спасти Египет от варваров.

В этом, как и во многом другом, у нас с Атоном полное согласие. И именно это было причиной нашей встречи в таком отдаленном, уединенном месте, хотя все прочие во дворце, даже фараон, были убеждены, что мы встретились, чтобы продолжить свое бесконечное соперничество за доской бао.

Я не сразу ответил ему, но посмотрел на доску. Пока я смотрел на девочек, Атон сделал последний ход. Он играет в эту возвышенную игру искуснее всех в Египте, а это все равно, что во всем цивилизованном мире. Конечно, кроме меня. Обычно я выигрываю у него три из четырех партий.

Сейчас я с первого взгляда понял, что эта партия будет из числа трех. Последний его ход был необдуманным. Теперь расположение его камней утратило уравновешенность. Один из его недостатков как игрока таков: поверив, что побеждает, Атон забывает об осторожности — и о правиле семи камней. Он сосредоточивает все свои силы для удара с южной башни и позволяет мне возобладать на востоке или на западе. Сегодня это был восток. Я ударил, как кобра.

Он откинулся на сиденье, оценивая мой неожиданный ход, а когда понял всю его гениальность, лицо его потемнело от гнева; Атон прохрипел:

— Я, кажется, ненавижу тебя Таита. А если еще нет, то должен бы.

— Мне просто повезло, старый друг, — не стал я насмехаться над ним. — И ведь это только игра.

Он возмущенно надул щеки.

— Из всех глупостей, которые я от тебя слышал, Таита, это самая возмутительная. Это не просто игра. Это истинный смысл жизни.

Я достал из-под столика медный кувшин и наполнил чашу Атона вином. Прекрасное вино, лучшее в Египте, я взял его не где-нибудь, а в винном погребке в подвалах дворца фараона. Атон надул щеки, пытаясь разжечь свой гнев, но, как обычно в таких случаях, его толстые пальцы сомкнулись вокруг чаши, и он под-

нес ее к губам. Дважды глотнул и зажмурился от удовольствия. Поставив чашу, он вздохнул.

— Может, ты и прав, Таита. Есть и другие веские причины, чтобы жить. — Он начал укладывать камни бао в кожаный мешочек с завязками. — Так что доносят с севера? Удиви-ка меня снова достижениями твоей разведки.

Наконец мы подошли к истинной цели нашей встречи. Север — это всегда опасность.

Более ста лет назад могучий Египет раскололи измена и мятеж. Красный самозванец, мнимый фараон — я сознательно не называю его имени, да будет он проклят в вечности, — этот предатель восстал на истинного фараона и захватил земли к северу от Асуана. Египет погрузился в столетие гражданской войны.

Потом наследник красного самозванца в свою очередь был побежден свирепым и воинственным племенем, пришедшим из северных степей за Синаем. Эти варвары пронеслись по Египту, покоря всех благодаря оружию, которое нам раньше не было известно, — лошадям и колесницам. Разгромив красного самозванца и захватив северную часть Египта, от Среднего моря до Асуана, гиксосы повернули на юг.

У нас, истинных египтян, не было от них защиты. Нас изгнали из наших земель, и мы были вынуждены отступить на юг, за нильские пороги у Элефантины, и уйти в дикие земли на краю света. Мы томились там, пока моя госпожа царица Лостра возрождала войска.

Моя роль в этом возрождении была вполне заметной. Я не хвастлив, но в данном случае могу, не опасаясь впасть в противоречие, утверждать, что без моего руководства и совета моя хозяйка царица Лостра и ее сын, царевич Мемнон, который теперь стал фараоном Тамосом, никогда не достигли бы цели.

В числе многих других своих услуг ей я построил первые колесницы с колесами на спицах, которые легче и быстрее колесниц гиксосов: у тех колеса сплошные деревянные. Потом я раздобыл лошадей для колесниц. Когда мы были готовы, фараон Тамос, ставший мужчиной, повел наше новое войско вниз, за пороги, на север — в Египет.

Главарь захватчиков-гиксосов называл себя царем Салитом, но он не был царем. В лучшем случае он предводитель разбойников и преступник. Однако войско, которым он командовал, численностью все еще вдвое превышало наше и было хорошо снаряжено и свирепо.

Но мы захватили их врасплох и сразились в битве при Фивах. Нам удалось уничтожить их колесницы и перебить людей. Мы обратили их в бегство на север. На поле сражения они бросили десять тысяч трюпов и две тысячи разбитых колесниц.

Однако они нанесли тяжкий ущерб и нашим доблестным войскам, поэтому мы не смогли догнать их и полностью уничтожить. С тех пор гиксосы остаются в дельте Нила.

Царь Салит, этот старый грабитель, теперь мертв. Он лишился жизни не на поле битвы от удара доброго египетского меча, как следовало бы по совести. Он умер в постели от старости, окруженный толпой безобразных жен и их отвратительных отпрысков. Среди этих отродий был и Беон, его старший сын. Этот Беон теперь называет себя царем, фараоном Верхнего и Нижнего египетских царств. На самом деле он просто разбойник и убийца, еще хуже своего отца. Мои шпионы регулярно докладывают, что Беон восстанавливает войско гиксосов, которое мы измочалили в битве при Фивах.

Эти донесения тревожат меня, ведь мы с огромным трудом находим ресурсы, чтобы восполнить потери, понесенные в той же битве. Наше окруженное сушей царство отрезано от великого Среднего моря и от торговли с другими цивилизованными странами и городами-государствами, которые богаты кожей, лесом, медью, сурьмой, оловом и прочим, из чего слагается костяк войны и чего нам недостает. Не хватает нам и людей. Нам необходимы союзники.

С другой стороны, у наших врагов, гиксосов, отличные гавани в дельте, где Нил впадает в Среднее море. В этих гаванях торговля ведется беспрепятственно и непрерывно. От своих шпионов я знаю также, что гиксосы ищут союзников среди других воинственных государств.

Мы с Атоном встретились в уединенном месте, чтобы обсудить эти трудности. Выживание Египта сейчас висело на волоске. Мы с Атоном не раз подробно все это обсуждали, но теперь готовы были представить фараону свое окончательное решение.

У царевен было на уме другое. Они видели, как Атон сложил камни бао, и посчитали это знаком, что теперь могут всецело располагать моим вниманием. Я предан обеим, но они очень требовательны. Они выбежали из лагуны, разбрызгивая воду, и

наперегонки побежали ко мне. Беката еще ребенок, но быстра и решительна. Она готова почти на все, лишь бы получить то, что хочет. Она опередила Техути и, холодная и мокрая из лагуны, уселась ко мне на колени.

— Я люблю тебя, Тата, — воскликнула она, обнимая меня за шею и прижимаясь к моей щеке мокрыми рыжими волосами. — Расскажи нам историю, Тата.

Проигравшая гонку Техути вынуждена была занять не столь вожаденное положение у моих ног. Нагая, мокрая, она грациозно опустилась на землю и прижалась грудью к моим ногам, положив подбородок мне на колени и глядя мне в лицо.

— Да, пожалуйста, Тата, расскажи про маму и про то, как она была прекрасна.

— Вначале я должен поговорить с дядей Атоном, — возразил я.

— Ой. Ну, хорошо. Только недолго, — вмешалась Беката. — Это так скучно.

— Недолго, обещаю.

Я посмотрел на Атона и перешел на язык гиксосов. Мы оба бегло говорим на языке наших смертельных врагов.

Я считаю своим долгом знать неприятеля. У меня есть способности к словам и языкам. После возвращения в Фивы у меня было много лет, чтобы учиться. Атон не участвовал в исходе в Нубию. Он не любит приключений. Поэтому он остался в Египте и терпел лишения под властью гиксосов. Однако усвоил все, чему они могут научить, среди прочего их язык. Царевны не понимали ни слова на этом языке.

— Ненавижу, когда вы говорите по-варварски, — надулась Беката, и Техути поддержала ее.

— Если ты нас любишь, говори по-египетски, Таита.

Я обнял Бекату и погладил Техути по прекрасной голове. Но продолжал разговаривать с Атоном на языке, который так ненавидели девочки.

— Не обращай внимания на лепет детей. Продолжай, старый друг.

Атон спрятал улыбку и продолжал:

— Итак, мы пришли к согласию, Таита. Нам нужны союзники, нужна торговля с ними. А заодно нам нужно лишить того и другого гиксосов.

Мне хотелось ответить едко, но я уже достаточно раздосадовал его за доской бао. Поэтому я серьезно кивнул.

— Как обычно, ты выразил самую суть проблемы и сжато изложил ее. Союзники и торговля. Хорошо. Чем мы можем торговать, Атон?

— У нас есть золото из шахт в Нубии, которое мы обнаружили, когда были в изгнании за водопадами. — Атон никогда не покидал пределов Египта, но, послушаешь его — и кажется, это он вел нас в изгнание. Я про себя улыбнулся, но сохранил серьезность, когда он продолжил: — Хотя желтый металл не так ценен, как серебро, люди жаждут и его. В сокровищнице фараона его скопилось столько, что мы в состоянии купить друзей и союзников.

Я согласно кивнул, хотя знал, что богатство фараона очень преувеличивают и Атон, и те, кто не так близок к трону, как я. И продолжил гнуть свое.

— Однако не забудь и плодородный черный ил, который Мать Нил выносит на берега ежегодно во время разлива. Людям нужна еда, Атон. У критян, шумеров, у эллинских городов-государств очень мало пригодной к возделыванию земли. Они всегда ищут зерно, чтобы накормить свое население. А у нас зерна в изобилии, — напомнил я.

— Да, Таита. У нас есть зерно и есть лошади, которых можно продавать; мы выращиваем лучших в мире боевых коней. А у нас есть и кое-что другое, еще более редкое и драгоценное.

Атон деликатно примолк и посмотрел на красивых девочек, одна из которых сидела у меня на коленях, а другая жалась к ногам.

Больше ничего не требовалось добавлять. Критяне и шумеры из земель между реками Тигр и Евфрат — наши самые близкие и могущественные соседи. И те, и другие — смуглые и черноволосые. И для их правителей желанная добыча — светловолосые, белокожие женщины эгейских племен и царских домов Египта. Однако бледные, пресные элинки не могут сравниться с нашими сверкающими нильскими драгоценностями.

Мои царевны — дочери Тана, обладателя огненно-рыжих волос, и белокожей светловолосой царицы Лостры. Красота их славится во всем мире. Посланники из дальних стран предпринимают трудные путешествия через широкие пустыни и глубокие воды к дворцу в Фивах, чтобы деликатно сообщить фараону Тамосу об интересе их хозяев к брачному и военному союзу с домом Тамоса. Присылали таких послов и шумерский царь Нимрод, и верховный правитель Крита Минос.

По моему совету, фараон радушно встретил обоих послов. Он принял прекрасные дары: серебро и дерево кедра, — которые они преподнесли. Потом благожелательно выслушал брачные предложения к обеим своим сестрам, но затем объяснил, что девочки еще слишком юны для брака, и об этом можно будет поговорить позже, когда они достигнут зрелости. Это было некоторое время назад. Но теперь обстоятельства изменились.

Когда фараон обсуждал со мной возможный союз между Египтом и Шумером или Критом, я тактично указал ему, что Крит более желателен как союзник, чем шумеры.

Прежде всего шумеры не мореходы, и, хотя они способны выставить могучее войско, оснащенное кавалерией и колесницами, у них нет сколько-нибудь заметного флота. Я напомнил фараону, что южный Египет не имеет выхода в Среднее море, а наши враги гиксосы властвуют в верхнем течении Нила. Мы стали страной, не имеющей морских гаваней.

У шумеров доступ к морю тоже ограничен, а их флот мал в сравнении с флотами других государств вроде Крита или даже мавританского народа на западе. Шумеры всегда весьма неохотно пускаются в рискованные морские плавания на тяжело груженных кораблях. Они боятся пиратов и непогоды. Сухопутный маршрут между нашими странами также изобилует множеством трудностей и препятствий.

Гиксосы господствуют на перешейке между Средним и Красным морями, связывающем Египет с Синайской пустыней на севере. Шумерам пришлось бы уйти по Синайской пустыне далеко на юг, а потом переплыть Красное море, чтобы добраться до нас. Этот маршрут ставит перед их войском многочисленные сложные задачи, среди которых главные — отсутствие воды и опасности плавания по Красному морю; все это делает подобный поход почти невозможным.

Я тогда предложил фараону, а сейчас объяснил Атону договор между Египтом и верховным правителем Крита Миносом. Верховный Минос — это титул наследственного правителя Крита, равный нашему титулу «фараон». Сказать, что этот титул выше фараона, было бы государственной изменой. Но довольно сообщить, что в критском флоте, как полагают, десять тысяч боевых и торговых галер, устроенных так искусно, что ни один корабль не может их догнать или победить.

У нас есть то, что нужно критянам — зерно, золото и невесты-красавицы. У критян есть то, что нужно нам — флот

боевых кораблей, самый грозный из существующих, способный перекрыть порты гиксосов в устье Нила; этот флот может доставить шумерское войско на южные берега Среднего моря и тем самым зажать гиксосов в мощные клещи между двумя могучими войсками.

— Отличный замысел, — аплодировал мне Атон. — Если не считать одной маленькой, почти несущественной подробности, которую ты, мой старый друг Таита, упустил.

Он широко улыбался, наслаждаясь местью за то, что я разгромил его на доске для игры в бао. Я не мстителен, но тут не удержался и еще раз невинно позабавился за счет Атона. Я изобразил отчаяние.

— Ах, не говори так, прошу! Я все тщательно продумал! В чем недостаток моего плана?

— Ты опоздал. Верховный правитель Крита Минос уже заключил тайный союз с царем гиксосов Беоном.

Атон облизнул губы и радостно хлопнул себя по слоновьей ляжке. Он решительно опроверг мое предложение; так, во всяком случае, ему казалось.

— А, да! — ответил я. — Полагаю, ты имеешь в виду торговый форт для сношений критян с Беоном? Критяне основали его пять месяцев назад в Тамиате, самом северном русле Нила в дельте.

Настала очередь Атона глядеть ошеломленно.

— Как ты узнал? Откуда?

— Прошу тебя, Атон! — я умоляюще простер руки. — Ты ведь не ожидаешь, что я назову тебе свои источники?

К Атону быстро вернулось самообладание.

— Между Верховным Миносом и Беоном уже есть взаимопонимание, если не военный союз. Как бы умен ты ни был, Таита, тут ничего не поделаешь.

— А что если Беон замыслил предательство? — загадочно спросил я, и Атон уставился на меня.

— Предательство? Не понимаю, Таита. Какое здесь возможно предательство?

— Ты знаешь, сколько серебра верховный правитель Крита Минос хранит в своей новой крепости Тамиат на земле гиксосов, Атон?

— Думаю, очень много. Если Верховный Минос предлагает купить у Беона большую часть урожая следующего сезона, в его руках, должно быть, очень много серебра, — осторожно предположил Атон. — Возможно, десять, а то и двадцать лаков.